

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
"КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК"

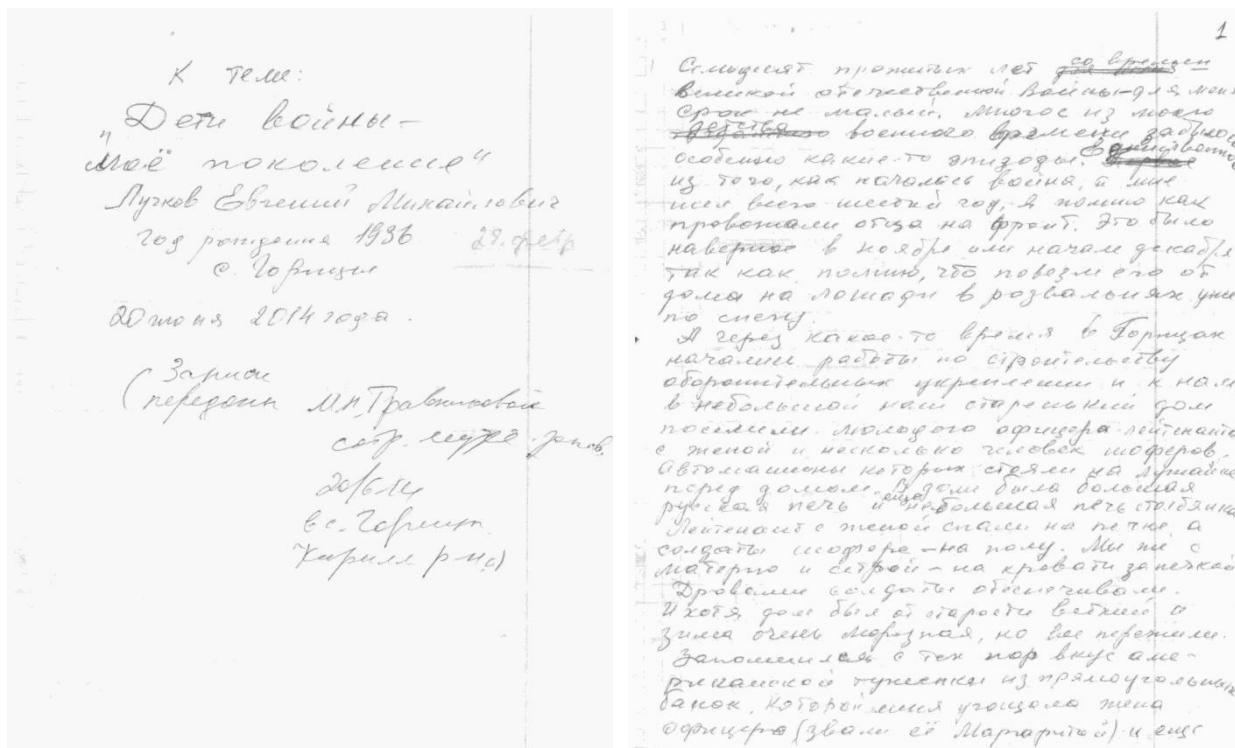
Публикация

воспоминаний Е.М. Лучкова «Дети войны – мое поколение»

М.Н. Травникова

Семьдесят один год отделяет нас от той страшной войны, когда весь русский народ сражался против фашизма. Дети войны помнят её. Они рано повзрослели, вынесли на своих плечах и голод, и холод, и непосильный труд, и горечь потери близких людей. Вместе со взрослыми они приблизили нашу Победу, а после войны восстанавливали страну. Сегодня важно, чтобы их внуки и правнуки знали о тех, кто выстоял в трудные военные годы, и в этом большое значение имеют рассказы ветеранов.

Воспоминания «Дети войны – мое поколение» принадлежат Евгению Михайловичу Лучкову, 1936 г.р., проживающему в с. Горицы Кирилловского района Вологодской области. Он начал их писать в мае 2014 года и закончил их 20 июня 2014 года. Это восемь тетрадных листов в клеточку, сшитых вручную в одну тетрадь белыми катушечными нитями, два верхних листа служат обложкой. Нумерация проставлена автором со второго листа, на котором и начинается сам текст воспоминаний, таким образом пронумеровано и записано семь листов.

Автор воспоминаний очень точно определяет и понимает свою задачу – рассказать о себе, о своей семье, о сверстниках, чье детство пришлось на трудные военные годы. Это человек не только сильный духом, но и оптимист. Он прожил непростую жизнь, сохранив добroе отношение к людям и своей стране. 20 июня 2014 года Евгений Михайлович передал мне (М.Н. Травниковой сотруднику Кирилло-Белозерского музея-заповедника для передачи в фонды. Тетрадь передана в фонды, ее место: фонд 3, опись 3) эту тетрадь, а другие записи, сделанные в 2013 году, он передал своей дочери А.Е. Козловой.

В мемуарах описаны тяжелые условия, в которых ему приходилось жить, учиться и работать в годы войны, а также много трогательных бытовых подробностей, как они с

матерью мололи зерно, копали картошку. В описываемых событиях просматривается суровая реальность прожитого и пережитого. Вместе с тем эти воспоминания представляют несомненный интерес для истории. Заслуживает внимания и описание событий, связанных с жизнью и трудом колхозников. Мне кажется, что публикация полного текста воспоминаний Е.М. Лучкова о себе и о жизни в деревне после Великой Отечественной войны представляет большой интерес и займет достойное место в книге воспоминаний кирилловцев – детей войны, которые хотелось бы собрать и опубликовать в будущем.

Текст воспоминаний публикуется без изменений. Сохранены авторская орфография и пунктуация

На обложке написано:

К теме «Дети войны – мое поколение»

Лучков Евгений Михайлович

Год рождения 1936 с. Горицы

20 июня 2014 года.

Стр.1

Семьдесят прожитых лет со времён Великой Отечественной войны – для меня срок не малый. Многое из моего детства военного времени забылось особенно какие-то эпизоды. Единственное из того, как началась война, а мне шел всего шестой год, я помню как провожали отца на фронт. Это было наверное в ноябре или начале декабря так как помню, что повезли его от дома на лошади в розвальнях уже по снегу.

А через какое-то время в Горицах начались работы по строительству оборонительных укреплений и к нам в небольшой наш старенький дом поселили молодого офицера-лейтенанта с женой и несколько человек шоферов, автомашины которых стояли на лужайке перед домом. В доме была большая русская печь и еще небольшая печь столбянка. Лейтенант с женой спали на печке, а солдаты шофера – на полу. Мы же с матерью и сестрой – на кровати за печкой. Дровами солдаты обеспечивали. И хотя дом был от старости ветхий а зима очень морозная, но все пережили. Запомнился с тех пор вкус американской тушенки из прямоугольных банок, которой меня угождала жена офицера (звали ее Маргаритой) и еще

стр.2

смутно припоминается вкус шоколада из ее рук. Запомнились и глухие но достаточно громкие взрывы на оборонных работах. Множество людей, в потрепанных и грязных иногда одеждах и обуви и даже в лаптях.

Окна в домах на каждом стекле крестом с угла на угол были заклеены полосками бумаги, чтоб не рассыпались если при взрыве лопнут. К ноче окна завешивались

плотными занавесками чтоб на ружу не проникал свет. Я на улицу зимой почти не ходил: было ничего на ноги одеть. Сестра училась в школе, а мама работала на ферме и тоже мало была дома. Все дни я проводил или с Маргаритой или часть у своей тетки Анны которая жила с сыном Леней по соседству. Он был младше меня еще на два года.

К весне оборонные работы закончились и я даже не помню когда уехали постояльцы.

Последующие годы проходили как-то не очень запомнившимися. Помню только, как уже в следующую зиму, где-то в конце декабря получили на отца похоронку. Матери дома не было и сестра предложила мне не говорить ей об этом. Хотя письма от него что-то долго не было и мать ходила со мной к гадалке, которая сказала что он

стр.3

жив. Это было наверное в ноябре. От последнего письма сохранилась посланная отцом лично для меня почтовая открытка написанная карандашом.

О похоронке вскоре всё же мать узнала сразу от соседей. Такого видимо не скроешь. Ее реакции на это я не помню но понятно, что такое горе не проходит незаметно. А жить чтоб прокормить и вырастить оставшихся без отца двоих детей надо. Это наверное был самый трудный период в жизни нашей небольшой семьи да и не только нашей, а многих, и очень многих. Мне трудно припомнить, чем мы тогда питались. Но хорошо помню отдельные моменты. Когда осенью выдавали на заработанные трудодни какое-то количество зерна, гороха и даже льняного семени. Я с мамой ходил к соседям молоть просушенное на печке зерно ворочали, крутили в двоем тяжелый каменный жернов. Как потом пекла мама в русской печке прямо на поду круглые караваи ржаного хлеба, или ячневые пироги на ржаных сочнях. Помню как ходили в дом инвалидов на маслобойку, где из прожаренного льносемени выжимали прессом чистейшее льняное масло и я тут же взятым с собой куском хлеба, пробовал его на вкус. Ощущение не забыто до сих пор. Еще парили репу, брюкву полученную на трудодни, сахарную свеклу выращенную дома в огороде. Затем на противнях нарезанную мелкими кусочками вялили в печке. Эта

стр.4

вяленка была нашим лучшим и постоянным лакомством, а из сахарной свеклы еще и с чаем вместо сахара которого я в то время и не видел. Сестра уже в 1943 году работала на лесозаготовках в Пидьме и домой бывала редко. Я же летом помогал матери что мог это вечером загонять коров на скотный двор. И еще с соседним мальчиком на год старше меня, пасли иногда овец. В военное зимы трудно было нам да и другим тоже, заготовлять дрова. Лошади в колхозе для этого давали редко и не всем. Так вот мы с мамой много раз возили кое какие дрова из леса на чunkах. И хорошо если была поблизости хоть какая-то дорога, а то и до дороги протаскивали груженые санки в целок. Лучше всего было возить

по насту, но это уже в марте ближе к весне. Дров надо было много, так как изба была старая и тепло держалось плохо. Дрова хоть и не толстые, но надо было пилить и мы с мамой пилили их вдвоём двуручной пилой, затем мама колола которые потолще и я носил их домой складывали у печки и даже на печке чтоб подсушить их. Тогда же я тайком от матери учился колоть дрова отцовским небольшим столярным топориком. Мать за это ругала меня боялась что я порублю себе ноги. Помню хорошо зимние вечерние

стр.5

собрания, на которых наши постоянные агитаторы (как их называли) учителя начальных классов: Нестерова Мария Николаевна или Жукова Анна Алексеевна по очереди проводили информацию о сражениях на фронтах, о подвигах наших воинов, о борьбе партизан в тылу врага и конечно же о долге тружеников, крестьян о налогах и сборах, о трудовых государственных займах. И люди как бы им трудно не было, внимательно слушали все обсуждали плакали, но со всем соглашались и подписывались на последние рубли, хотя самим нечего было одеть-обуть.

В школу меня эти же учителя записали в первый класс уже в 1943 году, хотя мне не было еще 8 лет. Но я ходил что-то недолго, кажется до октября или ноября. А случилось то что с соседским мальчиком в школу (он уже ходил во второй или 3-й класс) утром пошли по льду застывшей реки. Лед уже был толстый, но я попробовал на прочность лед в проруби из которой вечером видимо брали воду. Тонулся обеими ногами и сразу же провалился, то ли с головой по лед, то ли по шею. Но друг сосед мой успел меня схватить за руку и

стр.6

вытащить из воды. Привел домой. Мама страшно испугалась. Я не помню, болел ли я от такой купели, хотя от проруби идти до дома было не далеко. Но больше в школу я не ходил до следующей осени.

Первой учительницей была молодая рыженькая с завитыми волосами Дамашкина Зоя Федоровна. Родом она была из ближней деревни Ивицы, что расположена на противоположном берегу р. Шексны. Она учила нас и во 2-м классе. В то время очень трудно было с тетрадями. Они были только для классных работ. А домашние задания писали кто на чем. Я использовал для этого оставшуюся после отца амбарную книгу. Вырывая из неё листы и сшивая наподобие тетради. Учился я видимо не плохо. Так как до школы уже знал все буквы и даже что-то хоть и плохо читал. Уже в третьем классе перед Новым 1947 годом нас троих отличников сфотографировал приезжий фотограф. Это фото хранится и сейчас. Все годы учебы в начальных классах нас немного кормили в школе. Помню свою деревянную с хохломской

стр.7

росписью миску и такую же ложку оставшиеся после отца и принесенные в школу. Учительницей 3-го и затем 4-го класса была Ермакова Павла Николаевна – жена нового директора школы Ивана Ильича. В летние каникулы все также помогал вечерами матери загонять коров на ферму. Помогали и на полевых работах: на прополке на сенокосе конечно помохи мало но что-то принести отнести, пособирать ягод а то и грибов приходилось. Самое трудное было в детстве это теребление льна руками особенно в сухую погоду. Ладони сдирались до крови больно до слез, а делать надо. И еще поздней осенью копать картошку, когда пальцы от холода совсем онемеют и ничего не чувствуют. Были и свободные дни, когда детвора собиралась чтоб поиграть в наши деревенские игры. Постарше ребята да и девчата играли в лапту, в чехарду. Мы же малыши – в «лунки» с мячом, в цыбу, в войну особенно тихими осенними вечерами прячась по опустевшим уже огородам. Ловили рыбу удочками в реке, особенно нравилось ловить на речке Гремихе. С самой весны питались разными луговыми и лесными травами, ягодами. Землянику, малину, дикую черную и красную смородину по опушкам перелесков. Собирали грибы подосиновики по скошенным лугам около осинников.

стр.8

К тому времени пришел с войны демобилизованный по ранению, с покалеченной правой рукой и большими шрамами на теле, Иван Александрович Ненилин – муж моей тети Анны Евсеевны. Как я уже говорил жили они рядом с нами и я часто в ненастье и холодные дни проводил время там с двоюродным братом Лёнькой. Иван Александрович стал работать в колхозе счетоводом, и бывало, наказывал нам что нужно делать дома пока они на работе и мы старались сделать все что он велел. Был он для меня, как отец. Мог и похвалить и крепко поругать так же как и сына своего. Учил что и как делать правильно. Я слушался его и до сих пор с уважением вспоминаю и благодарю за все что он для нас с матерью делал и за его нелегкую крестьянскую и солдатскую долю.

Занятия в школе по настоящему в старших классах начинались в октябре. Весь сентябрь школьники с 5-го класса по седьмой работали по несколько часов в день на полях. По выходным дням – на обмолоте зерновых, где управляли лошадьми крутившими привод молотилки. А 14-ти 15-ти летние многие уже самостоятельно пахали землю. 12-ти и 13-ти лет-

стр.9

ние мальчишки а то и девчонки боронили пашню, сидя верхом на лошади таскавшей борону. Летом помогали взрослым пасти коров, телят, овец а иногда и лошадей ночами.

Почему-то не сохранились в памяти события в Горицах в день Победы. А вот осень 1946 года запомнилась тем, что часто в дождливую холодную осень, в слякоть школьники

на полдня отправлялись вместе со взрослыми колхозниками копать картошку, дергать и обрезать турнепс, брюкву. Обуви хорошей у многих не было. Возвращались домой часто мокрые и грязные. А потом рано стало мерзнуть. Часть картошки в колхозе осталась не выкопанной. А свою картошку копали когда уже и снег пошёл.

Мы с матерью брали с собой на участок глиняную корчагу (это такой большой горшок для варки сусла) с горящими углями. Мать выкапывала лопатой из земли картошку а потом подбирали ее очищали от налипшей земли и ложили в ведро. Голые руки от мокрой земли на ветру быстро коченели пальцы переставали

стр.10

что-либо ощущать и я грел их в корчаге. Но от тепла появлялась сильная боль, аж до слез. Мать уговаривала, успокаивала меня и говорила, что если не уберем, то зимой есть будет нечего и мы умрем от голода.

Картошки было немного и мы убрали её.

Из колхоза по трудодням из-за низкого урожая зерна выдали очень мало а картошки и овощей кажется совсем не выдали. Ведь в первую очередь надо было колхозу сдать все запланированное государству заложить семена, а что останется – колхозникам.

Уже зимой стали ходить старушки, просящие милостыню. Конечно, кто что мог, давали поесть. Однажды уже весной помоему, к Ненилиным зашел мальчик примерно моего возраста и прямо просит: дайте мне что-нибудь поесть а я вам спою песню. И он запел: «Во городе во Питере случилась беда».... а дальше совсем какие-то совсем не серьезные слова. Мелодия простенькая. Но он так выразительно звонким чистым голосом пел, что даже

стр. 11

Иван Александрович, не любитель пустых разговоров и скабрезных шуток (а песня была такая) сказал, чтоб дали «артисту» хлеба и молока. Запомнилось как жадно он съел этот кусок хлеба пополам с примесями и кружку молока.

Когда растаял снег, то многие в том числе и мы с сестрой ходили на колхозное картофельное поле копать оставшуюся с осени перемерзшую картошку. Она была мягкой со слабой кориной. Мы осторожно отмывали ее от земли, корину снимали, мякоть толкли и с добавленной мукой пекли лепешки. Это, казалось лучшее, что могли придумать в то время для замены хлеба с молоком и даже чаем. Кстати чай пили из сушеної моркови и каких-то трав. Вместо сахара была вяленая сахарная свёкла а иногда «сахарин» - заменитель сахара. В школе как и во время войны нас один раз кормили. Запомнился суп гороховый и клюквенный кисель. Но чаще всего давали чай и кусочек хлеба.

стр.12

Когда появилась первая зелень нам детям первостепенно надо было хоть что-то съедобное нарвать и поесть и домой принести. Вот и собирали первыми появившиеся шишечки отцветшей мать-мачехи затем крапивы лугового щавеля дидией луговых и лесных. Ситки, бильно растущей уже в конце мая на коргацкой речке лебеды и заячей киселки.

Вечерами ловили рыбешку на удочку. А однажды даже получили задание от родителей собрать по корзинке белого болотного мха.

Сестра моя в это время завербовалась в Ленинград на стройку и восстановление разрушенного города.

Большую помощь нам оказывал мой дядя Иван Евсеевич. Он после войны будучи офицером остался служить где и воевал в Мурманской области. Он посыпал сестрам не много денег и мы на эти деньги могли купить немного хлеба и др. продуктов которые продавали по талонам.

А однажды в конце мая Иван Александрович, просыпал что в Бело-

стр.13

зерске можно купить хлеба без талонов в порядке очереди за несколько раз без ограничения количества. И вот со мной он поехал за такой желанной покупкой на большом пассажирском пароходе. Это было мое первое путешествие из Гориц в другой город. Ночью на пароходе до м. Чайка, затем ранним утром пешком вдоль Белозерского канала 18 км. За день мы купили каждый не только печеного хлеба настоящего ржаного, и по одной буханке белого ситного, как его тогда называли но и еще по сколько-то не помню кг зерна какого тоже не помню. До Чайки с хлебом добирались на каком пароходе уже поздним вечером. А утром сели на пароход идущий в Череповец и к обеду были дома. Я был так утомлен дневными стояниями в очередях, что видимо проспал и ничего не помню как пришли в Горицы. Этот хлеб большей частью высушенный на сухари и смолотое зерно было большим подспорьем к своим кое-каким продуктам. Благодаря этому мы прожили эту голодную весну и половину лета 1947 года до нового урожая.

стр. 14

Так закончились эти трудные для всех нас военные годы и послевоенный голодный для нас период.

Дальше жизнь была хоть и не легкой, но как-то уже легче все складывалось. Так же шла учеба. В каникулы летом постоянно работали в колхозе помогая родителям. Закончив 7 классов большинство детей уезжали на учёбу в города, чтоб в последствии приобрести какую-то специальность или рабочую профессию и оставались жить там где учились.

М.Н. Травникова,
экскурсовод 1 категории
отдела по работе
с посетителями
Кирилло-Белозерского историко-
архитектурного музея-заповедника
kirmuseum.org